

© — ОЛЯ — 1990 г.

Ю. К. ЗОЛОТОВ

СОДРУЖЕСТВО ИСКУССТВ В XVII ВЕКЕ И АСПЕКТЫ ЕГО КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Из обширного круга проблем комплексного изучения истории искусств здесь выбран лишь вопрос о сопоставительном анализе литературы и живописи. Выбор продиктован специализацией автора. Той же причиной объясняется, что вопрос поставлен на материале западноевропейской художественной культуры XVII столетия. Это не значит, что общие наблюдения и методические посылки не могут быть распространены на материал других эпох, — разумеется, с учетом особенностей каждой из них.

Прежде чем наметить характерные для XVII в. типы возможных соприкосновений между двумя названными выше видами художественного творчества, приходится констатировать, что наука об искусстве, оперируя словесными средствами, сама претендует на то, чтобы быть литературой. Благодаря этому возможность сопоставления превращается в неизбежность. Исследователь так называемых изобразительных искусств обречен на муки слова, хотя специфика его предмета находится за пределами словесных форм.

Здесь нам могут напомнить о роли надписей в изображениях (пример: «Смерть Марата» Луи Давида или многие работы художников XX столетия), о взаимодействии литературного текста и книжной иллюстрации и т. п. Подобные связи очень важны, они еще раз указывают на многосторонность контактов между изображением и словом в искусстве. Но наличие прямых взаимопроникновений ни в коей мере не отрицает специфику языка изобразительных или, как их предпочитают называть французы, пластических искусств. Итак, в труд пишущего об искусстве обязательной составной частью входит поиск словесных эквивалентов для языка пластических форм. В определенном смысле работа подобного рода сама по себе может быть трактована как лаборатория сравнительного метода.

Надо признать, что именно в этом пункте искусствоведческий анализ наталкивается на препятствие, которое, строго говоря, является непреодолимым. Сформулируем еще раз данную апорию: искусствоведение как наука может оперировать только словом, но сущность художественного явления не может быть адекватно выражена в словесной форме. В переводе на другой язык возможно лишь большее или меньшее приближение к этой особенной и потому уникальной сущности. Целеустремленность поисков обращается волей-неволей в дурную бесконечность. Известный тезис о неисчерпаемости художественного образа, которой зачастую склонны давать мистифицированное объяснение, связывая ее, например, с принципиальной неисчерпаемостью символа и т. п., по-видимому, прежде всего имеет своей реальной основой действительную специфичность искусства, следовательно, его неполную переводимость.

Специфичность неоспорима. Но ее признание, разумеется, не следует отождествлять с тезисом о принципиальной непознаваемости художественного явления. С конца XIX столетия искусствоведение разрабатывает методику художественного анализа, которая, несомненно, уже дала